

Игнатьева Евгения Андреевна,
студентка 3 курса Новосибирского национального исследовательского
государственного университета

*Научный руководитель - профессор Красильников Сергей Александрович,
доктор исторических наук*

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В ДИСКУРСЕ ВЛАСТИ И ЕГО ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930 Г.)

Стержневой характеристикой сталинского режима являлась мобилизационная практика, применявшаяся для монопольного регулирования и контроля всех сфер жизни советского общества. Данный способ управления естественным образом лишал добровольного и конструктивного вектора взаимоотношений между институтами власти и основной, преимущественно сельской частью общества. Место политико-социального диалога занял монолог «пролетарской диктатуры», вторгавшейся «сверху» в повседневный быт населения, его массовое сознание и стремившейся к радикальной реорганизации основ его жизнедеятельности на началах «социализма». Основопологающим действием власти в 1930 г. стало разворачивание в деревне форсированного создания колхозной системы, сопровождавшейся насилием и внеэкономическим принуждением в отношении крестьянства.

«Великий перелом» обозначил и подчеркнул особое место и роль средств пропаганды, призванной обеспечить грандиозный колхозный проект своими средствами и технологиями, присущими мобилизационным кампаниям в сфере идеологии для внедрения доктринальных установок в массовое обыденное сознание. Объектом исследования выступают советский политический дискурс, представленный публицистическими материалами первых полос в краевой газете «Советская Сибирь» (январь – апрель 1930 г.), альтернативой которому служили зафиксированные в сводках ОГПУ антиправительственные настроения и действия (письма, воззвания, листовки и т.д.), которые следует охарактеризовать как протестный дискурс.

Целью работы является изучение процессов индоктринации при сопровождении партийно–государственной политики на начальном этапе «сплошной коллективизации» в региональном преломлении и реакции эту политику различных слоев деревни.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- осуществить методом контент–анализа исследование содержания передовиц газеты «Советская Сибирь» за январь – апрель 1930 г. в качестве источника дискурса власти «сверху»;
- проанализировать формы пассивного и активного народного протеста в оперативных отчетах УЧОСО ПП ОГПУ Сибирского края как реакции населения «снизу»;
- выявить возможности пропагандистского влияния на массовое сознание и протестного ответа слоев крестьянства на правительственную политику.

Исследование проблемы отношений власти и общества в период становления сталинского режима наиболее полно может быть осуществлено с помощью таких источников, которые отражают как установки государственных и партийных структур, так и настроения, и позиции представителей самого социума. Соответственно нами привлечены два корпуса массовых источников: пропагандистские материалы «Советской Сибири» и оперативные сводки Учетно-осведомительного отдела Полномочного представительства (УЧОСО ПП) ОГПУ по Сибирскому краю и приложения к ним за первую половину 1930 г.

Исследование массовых источников позволяет установить: 1) социальные характеристики создателя текста, его явные и скрытые намерения; 2) тенденции социальной действительности; 3) социальные черты адресата [1, с. 10].

Советская пресса как исторический источник имела ряд особенностей, наиболее важными являлись: доктринальность, тенденциозность, стереотипность и непрерывность в организации и подаче информации. Наиболее эффективным способом для исследования указанных особенностей является социологический метод контент-анализа, который: 1) позволяет извлекать из источников самую разнообразную информацию, не только явную [2, с. 27]; 2) предлагает использование

стандартизированных процедур для работы с материалом, благодаря которым позволяет уменьшить элемент субъективизма в толковании текстов источников [1, с. 11].

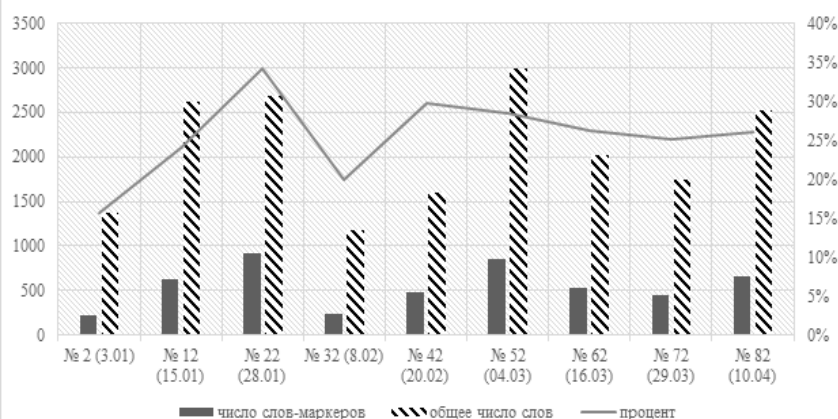
Оперативные сводки ОГПУ, будучи также массовыми источниками, несли в себе те же черты, к которым добавлялись такие их особенности, как секретность и необходимость сбора и анализа преимущественно негативной информации (функция надзора и осведомления). Несмотря на их непубличность, сводки также обладали тенденциозностью в подаче материалов, хотя следует отметить, что требование информативности обязывало присоединять в качестве приложений протестную информацию (листовки и пр.), благодаря чему она сохранилась для исследователей

Для работы с прессой было выделено до ста слов-маркеров, сгруппированных по следующим критериям - субъекты, объекты, направления деятельности власти с оценочными их характеристиками. Для цели данного исследования производился контент-анализ передовых страниц (первых полос) каждого десятого выпуска газеты (3 января – 10 апреля 1930 г.). Заявленной тематике (дискурс «деревенской» политики) соответствовали 64 публицистических единицы. Жанровое разнообразие проанализированных источников также нуждается в фиксации: благодаря этому становится ясным не только устойчивость и стереотипность наполнения первых страниц (клише), но и то, как отражалась в них смена и коррекция дискурса в зависимости от ситуации в стране и деревне.

Анализ региональной газеты предусматривал соотнесение датировки номеров с основными решениями советского руководства – постановлениями ЦК ВКП (б), первое - от 5 января 1930 г. («О темпе коллективизации ...») носило публичный характер; второе – от 30 января 1930 г. («О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств...»), имело характер секретной директивы, а также публикацией статьи Сталина «Головокружение от успехов» («Правда», 2 марта 1930 г.). Таким образом, анализ первых полос «Советской Сибири» разделен на 3 хронологических отрезка для отслеживания происходившей динамики пропагандистского воздействия через основную краевую газету на свою аудиторию. Первый цикл – это публикации за январь, второй за февраль – и начало марта, третий -середина марта – первая декада апреля. Результаты исследования, пока носящие предварительный характер по отдельным параметрам, приведены ниже.

Фиксируется динамичный рост соотношения слов-маркеров к общему текстовому массиву в рамках каждого из выделенных периодов. Каждая новая директивная установка неизбежно влекла за собой нарастание масштабов ее разъяснения, при этом дискурс становится более интенсивным и более идеологизированным по мере развертывания пропаганды. Процентная шкала соответствует отношению слов-маркеров к общему числу слов на первой полосе газеты – чем выше процент – тем выше содержание слов-маркеров в данном выпуске. Волнообразная динамика показателей свидетельствует о механизмах действия пропаганды в условиях корректировки, уточнения, а в случае с постановлением о начале операции «раскулачивания» и «Головокружением от успехов» (т.н. перегибы на местах) и значительной ее переакцентирования.

Соотношение слов-маркеров к общему текстовому массиву

Происходит смещение приоритетов тех, кто выступает ключевой фигурой дискурса власти. Так, постановление от 30 января выдвинуло на первый план образ

«врага»/«кулака» как активного субъекта антигосударственной деятельности в деревне, чего ранее не наблюдалось в январских номерах «Советской Сибири». На третьем этапе центральной фигурой, становится единоличник, который после «Головокружения» становится активным субъектом - от его позиций зависит успех кампании «сплошной коллективизации».

Роль приезжих рабочих – «двадцатипяти тысячников» актуализируется лишь на первом и в начале второго этапа (январь - февраль), пока шла кампания кадровой мобилизации; впоследствии же город присутствует в двух основных обликах – как плацдарм политики партии и как связанный с коллективизацией потребитель деревенских ресурсов. Значительные изменения претерпевает категория «объектов деятельности». Абстрактная «деревня» уходит на второй план, в пропаганде превалирует понятие «колхоз». После «Головокружения» в центр дискурса входят индивидуальное хозяйство единоличника, совхоз и артель.

До секретного постановления от 30 января мы видим безусловное преобладание положительных оценок процесса коллективизации, доля которых впоследствии снижается и к последнему этапу – после «Головокружения» доминирует борьба с «перегибами», где превалируют негативные оценки в деятельности местных органов власти. Они становятся объектами жесткой критики, но в печати происходит своего рода дозировка уровня ответственности за провалы деревенской политики: Центр, равно как краевая власть выводятся из негативной зоны.

Дискурс пропаганды позволяет рассмотреть в динамике и такую трудноуловимую проблему, как соотношение при осуществлении кампании «сплошной коллективизации» двух мобилизационных технологий – консолидационного («за») и конфронтационного («против») типов. Консолидационные призывы, установки на создание колхозной системы являлись для пропаганды приоритетными: консолидация преобладает над конфронтацией, однако это преобладание сокращается с четырехкратного перевеса (в первой фазе – январь 1930 г.) до двукратного (середина марта – первая декада апреля 1930 г.). Приступая к форсированной ломке деревенского уклада и созданию колхозов, руководство страны проявляло своего рода иллюзорный оптимизм, который сменился весной 1930 г. более реалистическими оценками достижения цели. В то же время было понимание того, что в печати не должна превалировать и негативная информация: волнения и массовые выступления в деревне не проникали в открытую печать (писалось о пресечении карательными и судебными органами «деревенской контрреволюции» на единичных примерах деятельности отдельных «кулаков» и/или группировок).

Реальные события в деревне этого периода и фактография волнений, протестов и выступлений крестьян как реакция на принудительное «вступление» в колхозы, а также репрессий в деревне находили отражение в секретной документации.

Анализ оперативных сводок ПП ОГПУ [3] привел к следующим выводам: большинство населения не симпатизировало ни представителям центральной, ни местной власти; режим сопоставлялся с крепостным правом; в народном сознании соединялись стремление к активному протесту, страх и конформистское поведение; своими действиями (экспроприация имущества, мародерство и насилие активистов, массовые депортации) власть провоцировала деревню, используя затем активный протест населения для усиления репрессивного аппарата; жители города и деревни по-разному принимали сталинский режим, по-разному сопротивлялись, консолидации сил между ними не произошло; недовольство оказывалось внутренним, скрытым под внешним конформизмом; большевики же в этой ситуации занимались борьбой «за массы», ища поддержки у наиболее незащищенных слоев общества, где и добились успеха - сельские активисты стали неотъемлемой частью проводимых в этот период кампаний.

Проводившаяся большевиками консолидационная политика в деревне предполагала, как отмечено выше, в то же время и ставку на конфронтационные настроения и действия, что обуславливалось стремлением власти разделить сельский мир на «своих» и «чужих», стигматизировать и ликвидировать последних. Это не было ошибкой или упущением власти. Мобилизационные режимы, к числу которых относился и сталинский, требовали для укрепления своего существования постоянного поддержания в социуме атмосферы противостояния и конфликтов [2, с. 236-237].

«Великий перелом» ликвидировал не только преграды для дальнейшего «социалистического развития», но и весь социокультурный уклад жизни общества.

Разрушение традиций и устойчивости социума вело к деструктивным последствиям: к отчуждению между властью и обществом, ставшим впоследствии непреодолимым; к расколу внутри последнего. Культурная пропасть, веками разделявшая российские деревню и город, в 1930-е годы оставалась такой же огромной и даже увеличилась. [4, с. 67]

Советское общество в данный период не представляло собой однородной массы по своим поведенческим характеристикам. В документах эпохи наблюдаются активизм, конформизм и протестное поведение среди населения. Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что протест в большей степени имел пассивные формы.

Навязываемый образ «нового человека» и «нового общества» противоречил существующей действительности, вызывая не только сопротивление провозглашаемым директивам, но и внутренний кризис советского человека – проблема самоидентификации и самовосприятия в рамках эпохи останется актуальной на протяжении всего XX века. Сталинская модернизация изменила не только внешние составляющие жизненного пространства нового общества, но и значительным образом повлияла на поведенческие характеристики населения. Страх перед государственными органами, аполитичность, конформизм, безынициативность, пассивность, индифферентность стали частью общественного сознания. Следствия таких трансформаций мы наблюдаем и в настоящее время, когда создание конструктивного диалога власти и общества остается все еще актуальной и не решенной проблемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красильников С. А. Методические указания к курсу «История СССР. Источниковедение» по теме «Контент-анализ как метод исследования социальных процессов: опыт применения и перспективы использования историками». Новосибирск: НГУ, 1985.
2. Ушакова С. Н. Идеологопропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009.
3. ГАО. Ф. Р.-1027. Оп.8. Д.7.
4. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОС-СПЭН. 2010.

Публикация: **Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия.** Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России (г. Новосибирск, 23 мая 2018 г.)